

На правах рукописи

МАРТЫНОВ
Василий Львович

**ПРОСТРАНСТВЕННАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА:
ВЗАИМОСВЯЗИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Специальность:
25.00.24 – экономическая, социальная и политическая география

АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ
на соискание учёной степени
доктора географических наук

С.-Петербург
2002

Работа выполнена на кафедре экономической географии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Научный консультант:

доктор географических наук, профессор **Ю.Н. Гладкий**

Официальные оппоненты:

доктор географических наук, профессор **А.И. Алексеев**

доктор географических наук **Д.В. Николаенко**

доктор географических наук, профессор **А.И. Чистобаев**

Ведущая организация:

Институт международных экономических и политических исследований Российской Академии наук

Защита диссертации состоится 26 апреля 2002 года в 15.00 на заседании Диссертационного совета Д 212.199.26 в Российском государственном педагогическом университете имени А.И. Герцена по адресу: **191186 С.-Петербург, набережная реки Мойки 48, к. 12, ауд. 5**

С диссертацией можно ознакомиться в Фундаментальной библиотеке университета.

Автореферат разослан 21 марта 2002 года

Учёный секретарь Диссертационного совета Д 212.199.26,
кандидат географических наук, профессор

О.В. Соколов

Актуальность темы. Проблемы пространственного (регионального) развития являются приоритетными для подавляющего большинства государств мира, особенно обширных по территории. Этим проблемам посвящено множество отечественных и зарубежных географических, экономических, социологических исследований, авторы которых не только описывают региональные различия, но и объясняют их на основе различных теорий и концепций пространственно-временной трансформации общества, каковых к настоящему времени предложено достаточно много. Большая часть этих теорий и концепций разрабатывалась в условиях индустриального общества, потребности которого они и призваны были обеспечивать. Невзирая на то, что изучение процессов пространственной самоорганизации общества проводилось и проводится представителями различных наук на протяжении всего XX в., перемены, происходившие и происходящие в обществе на рубеже веков и тысячелетий, требуют не только совершенствования старых теоретико-методологических подходов, но и создания новых.

Современный этап развития человечества характеризуется переходом от индустриальной к постиндустриальной стадии развития, от иерархических управляемых систем, в которых взаимодействие было направлено главным образом «сверху вниз», к самоуправляющимся системам, формирующимся «снизу вверх». Но если идеология «управляемого мира» империй и «сфер влияния» разрабатывалась на протяжении практически всего XX в., то для «самоуправляющегося» (или, во всяком случае, стремящемуся быть таковым) мира XXI в., мира регионов, экономических союзов и «сетевой экономики», такая идеология находится ещё в стадии разработки. Но при разработке этой идеологии не следует упускать из виду тенденции, проблемы и перспективы трансформации пространственной структуры общества, и особенно – воздействию на неё процессов самоорганизации, имманентно присущих общественному развитию. К сожалению, этой стороне развития уделялось и уделяется относительно немного внимания.

Целью исследования является разработка и апробация концепции кольцевых структур как одного из возможных теоретико-методологических подходов к исследованиям пространственной самоорганизации общества.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) определить теоретические основы и методологическую базу концепции кольцевых структур;
- 2) предложить методику анализа трансформации кольцевых структур;
- 3) выявить возможности применения концепции кольцевых структур на разных пространственных уровнях;
- 4) охарактеризовать особенности трансформации кольцевых структур на территории СССР и России;
- 5) дать прогноз развития кольцевых структур, сформировавшихся на территории России.

Объектом исследования является пространственная самоорганизация общества, рассматриваемая и как структура, и как процесс.

Предмет исследования – взаимодействия и взаимосвязи, которые, с одной стороны, определяют пространственную самоорганизацию общества, а с другой - определяются ею.

Научная новизна исследования: предлагается новая концепция пространственной самоорганизации общества - концепция кольцевых структур.

Теоретическая ценность: определяются теоретические основы и методологическая база концепции кольцевых структур, характеризуется их состав, свойства и функции, предлагается методика исследования их состояния и развития.

Практическая значимость: теоретико-методологические основы, а также методика исследований кольцевых структур, предлагаемые в диссертации, могут быть использованы государственными органами, экономическими структурами и общественно-политическими организациями. Кроме этого, материалы диссертационного исследования могут найти отражение в учебном процессе ВУЗов при изучении ряда предметов.

Апробация основных положений и выводов диссертации. Основные положения и выводы диссертационного исследования сообщались на XI съезде Русского географического общества (РГО) (Архангельск, 2000), заседаниях Отделения экономической и социальной географии РГО (С.-Петербург), а также конференциях и научных семинарах в Архангельске (1996), Воронеже (1998), Иркутске (1996, 1997, 2001), Курске (1999), Липецке (1997), Москве (2001), Нижнем Новгороде (1999), Орле (2001), Петрозаводске (1997), Пскове (1997, 1998, 1999, 2000, 2001), Саранске (2000), С.-Петербурге (1998, 1999, 2001, 2002), Смоленске (1996, 1998, 1999, 2000, 2001), Таллине (1998), Якутске (2001).

Публикации. По теме работы имеется 63 публикации, общим объёмом 43,9 п.л.

Структура работы. Общий объём диссертации 200 страниц. Список литературы включает 230 названий, из них 37 на иностранных языках.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ВЫВОДЫ ДИССЕРТАЦИИ

1. Объектом исследований общественной (социально-экономической) географии являются пространственные закономерности развития общества, формирующиеся под действием двух процессов – организации и самоорганизации.

Такое понимание объекта исследований общественной географии опирается на предложенное А. Геттнером определение географического исследования как «пространственного познания земной поверхности». Полагаем, что пространственное познание земной поверхности заключается в изучении, во-первых, объектов, слагающих земную поверхность (или, в более современной терминологии – географическое пространство), и во-вторых, процессов, определяющих размещение этих объектов в пространстве, а также формирующих, и в то же время формируемых, системой взаимосвязей и взаимодействия между ними.

К настоящему времени сформировалось два основных определения процессов организации и самоорганизации: согласно первому, и организация, и самоорганизация внутренне присущи самой системе, и различаются по направленности действия, согласно второму под организацией понимается процесс развития системы под влиянием внешних по отношению к ней воздействий, под самоорганизацией – внутренне ей присущих. В общественных науках в целом, и в общественной (социально-экономической) географии в частности, широко применяется второе определение, используемое и в данной работе. Следует отметить, что понимаемым подобным образом процессам организации в отечественной социально-экономической географии на протяжении большей части XX в. уделялось основное внимание, в то время как процессы самоорганизации исследовались недостаточно (положение существенно изменилось лишь в 90-е годы).

Исследования подобного рода в последние десятилетия ведутся в рамках относительно нового научного направления – синергетики. Значение синергетических подходов к настоящему времени переросло рамки тех наук и научных дисциплин, где синергетика возникла первоначально и где были сформулированы её основные положения. Синергетические подходы во всем мире, в том числе и в нашей стране, использовались и используются для анализа развития социальных и экономических процессов. Но в то же время использование синергетических принципов и подходов не лишает исследование его принадлежности к определённой науке, в данном случае – географии.

Любые процессы, в том числе и процессы общественного развития, представляют собой развитие системы взаимосвязей и взаимодействия определённых элементов, из которых формируются новые. *Под взаимосвязями понимаются отношения между элементами системы, определяющие их взаимную обусловленность; под взаимодействием – пространственно-временная трансформация элементов системы под воздействием друг друга.*

В развитии любой системы можно выделить два «предельных» состояния – упорядоченности и хаоса. Чередование периодов упорядоченности и хаоса свойственно временной структуре в пространстве и пространственной структуре – во времени. То, что упорядоченность и хаос во времени чередуются, очевидно. Порядок и хаос в общественном развитии представляют собой относительные категории, и отнести ту или иную эпоху ко времени хаоса или времени упорядоченности можно, лишь сравнивая её с предшествующими и/или последующими периодами развития общества. То же относится и к определению хаоса и упорядоченности в пространстве – установить принадлежность части пространства к «зонам хаоса» или «зонам упорядоченности» можно лишь путём их сравнения.

Большая упорядоченность и предсказуемость присуща системам, развивающимся под воздействием процессов самоорганизации, а большая хаотичность и непредсказуемость – под воздействием процессов организации. Как это ни парадоксально, по мере выравнивания уровней регионального развития хаотичность в развитии мира в целом и его отдельных частей будет возрастать (свидетелями этого процесса мы сейчас являемся). При этом для самооргани-

зующихся систем свойственен более высокий уровень неоднородности (в данном случае – региональных различий), а для организованных систем – однородности элементов системы. Неоднородность и обеспечивает саму возможность формирования системы взаимосвязей и взаимодействия внутри системы.

Для временного развития общества свойственно сочетание процессов организации и самоорганизации, которое приводит к цикличности процесса развития. Прямую аналогию между временными и пространственными структурами провести достаточно сложно, но тем не менее можно утверждать, что циклическим структурам во времени соответствуют кольцевые структуры в пространстве.

2. Пространственная самоорганизация общества как структура и как процесс, с одной стороны, формирует систему общественного взаимодействия и взаимосвязей, а с другой – формируется ею, образуя при этом кольцевые структуры, в пределах которых сочетаются «зоны упорядоченности» и «зоны хаоса».

Зоны упорядоченности, или активные зоны, располагаются в центре (центральные активные зоны) и на окраинах кольцевых структур (краевые активные зоны). Взаимодействие между центральными и краевыми активными зонами обеспечивается за счёт радиальных активных зон. Зоны хаоса, или пассивные зоны, служащие источником ресурсов для развития активных зон, располагаются, во-первых, между центральными и краевыми активными зонами, будучи во многих случаях разделёнными радиальными активными зонами на отдельные сектора, и во-вторых, могут располагаться за внешними пределами краевых активных зон. «Зоны хаоса», расположенные между центральными и краевыми активными зонами, представляют собой внутренние пассивные зоны. Аналогичные зоны, за внешними пределами краевых активных зон, являются внешними пассивными зонами.

Центральная активная зона представляет собой организующий центр кольцевой структуры, её наиболее развитую часть, где процессы взаимодействия происходят с наибольшей силой.

Краевая активная зона - окраинная часть кольцевой структуры. Краевая активная зона может иметь значительную протяжённость, и её отдельные части могут существенным образом отличаться друг от друга по уровню вовлечённости в процессы взаимодействия и насыщенности взаимосвязями. В этом случае можно говорить о *сегментах* краевой активной зоны.

Уровень развития **радиальных активных зон** близок к уровню краевых активных зон. Если для краевых активных зон свойственно стремление к перемещению вовне и движению в кольцевом направлении, то для радиальных активных зон - к радиальному движению, сопряжённому с движением краевых зон.

Пассивные зоны, как внутренние, так и внешние, представляют собой источник ресурсов для развития ядра и районов. Развитие пространств, входящих в состав пассивных зон, осуществляется лишь вследствие воздействия со стороны активных зон.

Процессы организации при этом могут как способствовать развитию кольцевых структур, так и препятствовать ему. В случае, если процессы организации препятствуют развитию кольцевых структур, пространственная структура общества может остаться на нуклеарной или линейной стадиях развития. Более того, под воздействием процессов организации уже существующая кольцевая структура может распасться на отдельные части. Но следует отметить, что при соответствующих условиях эти части вновь могут соединиться в кольцевые структуры.

Последовательность формирования кольцевых структур представляется следующей. На начальной стадии формируются линейные системы взаимодействия, число которых постепенно увеличивается. Эти линейные системы представляют собой будущие либо краевые (в случае, если они оконтуривают территорию, на которой формируется кольцевая структура), либо радиальные (если они расходятся от уже существующего центра) активные зоны. В случае, если на первой стадии формировались краевые активные зоны, на второй стадии формируются радиальные активные зоны. Если же началом развития кольцевой структуры стало формирование радиальных активных зон, то на второй стадии образуются краевые активные зоны. В первом случае при пересечении радиальных активных зон начинается формирование центральной активной зоны; во втором случае центральная активная зона формируется изначально. Следует отметить, что возможны варианты развития, при которых центральная активная зона не формируется, а её функции выполняет краевая активная зона или её часть.

Дальнейшее развитие как в первом, так и во втором случае происходит за счёт смещения вовне краевых активных зон, которым для роста постоянно требуется приток ресурсов. Но в движение вовне вовлекается не только внешняя, но и внутренняя граница краевой активной зоны. Смещение внутренней границы краевой активной зоны вслед за продвижением внешней приводит к расширению внутренней пассивной зоны. С поглощением внешней пассивной зоны возможности краевых активных зон к движению вовне оказываются исчерпанными. Прекращение роста приводит первоначально к усилению объёма и мощности связей внутри уже сформировавшихся сегментов краевой активной зоны, затем – их расширению в круговом направлении, а позднее смещению в том же направлении, сопряжённому со смещением радиальных активных зон. Следует отметить, что кольцевая структура, однажды сформировавшись, сохраняется на протяжении длительного времени (так, началом формирования Западно- и Восточно-Европейской кольцевых структур можно считать IX – XI вв.).

Не следует отождествлять центральные и краевые активные зоны со столичными и периферийными регионами государства. В пределах крупных государств может формироваться несколько кольцевых структур, и в то же время одна кольцевая структура может охватывать части территорий нескольких государств.

3. Концепция кольцевых структур развивает многие положения других теорий пространственного развития общества, однако с некоторыми из них вступает в противоречие.

Прежде всего концепция кольцевых структур развивает одну из основополагающих концепций современной географической науки - концепцию географического поля. Кольцевые структуры разных уровней можно рассматривать как географическое поле, взаимодействия в котором наибольшей мощностью отличаются в центре и на окраинах. То, что географические поля имеют в основном круговую форму, утверждал один из основоположников теории географического поля П. Хаггет. В концепции кольцевых структур прослеживается связь с одной из первых экономико-географических теорий – теорией «изолированного государства» И. Тюнена. Эта концепция также опирается на теорию «центральных мест», основные положения были разработаны В. Кристаллером в начале 30-х гг. и дополнены в 40-х гг. А. Лёшем (теория «экономического ландшафта»). Можно утверждать, что концепция кольцевых структур развивает основные положения теории «центральных мест». Гексагональные ячейки Кристаллера, в центре которых располагается населённый пункт порядка N , а на окраинах – населённые пункты порядка $N-1$ собственно и представляют собой кольцевые структуры, где населённый пункт порядка N представляет собой центральную активную зону, система населённых пунктов порядка $N-1$ – краевую активную зону, а разделяющие их территории – внутренние пассивные зоны. В то же самое время кольцевая структура сходна с «экономическим ландшафтом» А. Лёша.

Большой интерес представляет также теория «культурного ландшафта» Ю.А. Веденина. По мнению Ю.А. Веденина, опорный каркас культурного ландшафта составляют центры новационной культуры, очаги традиционной культуры и объединяющие их коммуникационные линии, деятельность которых координируется «центрами первого порядка». В этом случае сочетание центров новационной культуры и очагов традиционной культуры представляет собой краевую активную зону, и «центр» первого порядка – центральную активную зону. Представляется, что с концепцией кольцевых структур сходна также концепция «маргинальной комплиментарности», предложенная украинским географом В.А. Дергачёвым. Можно отметить также сходство кольцевых структур и «узловых районов» Б.Б. Родомана.

Концепция кольцевых структур опирается также на некоторые положения теории «центр - периферия», но с рядом положений этой теории она вступает в противоречие. Насколько можно судить на основе анализа ряда источников, теория «центр-периферия» исходит из того, что любая общественная территориальная система включает в свой состав две главные части - высокоразвитый и склонный к инновациям центр и периферию, отличающуюся низким уровнем развития и консерватизмом.

На концептуальном подходе «центр – периферия» основывается теория мировых систем И. Валлерстайна. Наряду с центром и периферией, И. Валлерстайн вводит третий элемент – полупериферию, но определяет её как образование с неясными границами. Однако если не ясны границы «срединного» образования – полупериферии, то неясными становятся границы центра и периферии. Как периферия, так и полупериферия делятся на ближнюю и дальнюю, что явно не упрощает методологию и методику исследований, основывающихся на

бинарной (невзирая на все попытки её модификации) парадигме «центр – периферия».

В 90-е гг. в нашей стране была разработана теоретическая модель В.Л. Каганского, согласно которой в пространственной структуре общества выделяется четыре составляющих: центр, провинция, периферия и граница. Теория В.Л. Каганского интересна тем, что в ней впервые (насколько известно автору) в отечественной географии предпринимается попытка отойти от схемы «центр – периферия».

Концепция кольцевых структур не отвергает существования отношений «центр – периферия». Эти отношения действительно имеют место, и значение их весьма велико. Так, активные зоны (центральная, радиальные и краевые) являются центрами для пассивных зон, которые представляют собой периферию. Однако не стоит, как это иногда делается, утверждать универсальность, во-первых, этих отношений как таковых, а во-вторых, моделей пространственного развития, на них основанных.

Во всяком случае, концепция кольцевых структур отнюдь не является универсальной, пригодной для всего мира и на все времена. Наш мир многообразен настолько, что универсальные концепции в общественной географии, как и в общественных науках в целом, не могут существовать.

5. В основе анализа кольцевых структур лежит исследования взаимосвязей и взаимодействия пространственных образования, их мощности и напряжённости.

Концепция кольцевых структур опирается на исследования взаимодействия пространственных образований, определяемым интенсивностью реакций взаимодействия. Чем выше эта интенсивность, тем выше уровень вовлечённости части геопространства в процессы взаимодействия, что и позволяет отнести её к тому или иному элементу кольцевой структуры. Для определения уровня вовлеченности территории в процессы взаимодействия требуется определение трёх её основных характеристик: освоенности, развития и значения, обобщаемых в **коэффициенте взаимодействия (КВ)**, рассчитываемого по следующей формуле:

$$КВ = ПВ \times ОВ, \quad \text{где:}$$

КВ – коэффициент взаимодействия; *ПВ* - показатель популяционного взаимодействия; *ОВ* - показатель общественного взаимодействия.

Более прост показатель популяционного взаимодействия (ПВ), характеризующей уровень освоенности. В качестве такового можно использовать показатель плотности населения. Этот показатель позволяет установить уровень взаимодействия жителей определённой территории безотносительно к их деятельности. Уровень развития и значения выявляется с помощью показателя общественного взаимодействия (ОВ), который рассчитывается следующим образом:

$$ОВ = Д \times Об, \quad \text{где:}$$

ОВ - показатель общественного взаимодействия; *Д* - доля региона в социально-экономической деятельности региона либо государства; *Об* - индекс объём социально-экономической деятельности в исследуемом году.

Показатель D (доля территории) важен для определения коэффициента взаимодействия потому, что его использование позволяет установить (с известной долей условности, поскольку далеко не всё можно измерить) значение территории для государства либо более крупного региона. Показатель $Об$ (индекс объёма социально-экономической деятельности) характеризует уровень и темпы развития территории. Наиболее универсальным показателем, который может использоваться при расчёте уровня общественного взаимодействия, является показатель валового внутреннего (регионального) продукта – $ВВ(Р)П$. Но универсальность не означает оптимальности. Однако использование этого показателя вполне возможно, и в этом случае формула определения $ОВ$ приобретает следующий вид:

$$ОВ = D_{ВВП} \times (Об'_{ВВП}/Об_{ВВП}), \quad \text{где:}$$

$ОВ$ – показатель общественного взаимодействия, $D_{ВВП}$ – доля региона в производстве валового внутреннего продукта государства или группы государств, $Об'_{ВВП}$ – объём $ВВ(Р)П$ в исследуемом году, $Об_{ВВП}$ – объём $ВВ(Р)П$ в году, показатели которого принимаются за 1.

Существует и более эффективный, но гораздо более трудоёмкий способ определения показателей D и $Об$, а именно выведение их как среднеарифметических показателей всех исследуемых отраслей экономики и направлений деятельности социальной сферы. В этом случае показатель D определяется следующим образом:

$$D = (\Sigma(d_{1..n}))/n, \quad \text{где:}$$

D – доля территории в социально-экономической деятельности региона либо государства; $d_{1..n}$ – доли территории в производстве продукции отраслей экономики либо направлений деятельности непроеизводственной сферы, представленных на данной территории; N – число отраслей экономики и направлений деятельности непроеизводственной сферы, учитываемых для всех исследуемых территорий.

Расчёт показателя $Об$ в этом случае ведётся следующим образом:

$$Об = (\Sigma((об_1/об'_1)...(об_n/об'_n)))/N, \quad \text{где:}$$

$Об$ – объём социально-экономической деятельности в исследуемом году; $об$ – объём производства каждой отрасли экономики и направления непроеизводственной сферы, представленной в пределах данной территории в исследуемом году; $об'$ – объём производства каждой отрасли экономики и направления непроеизводственной сферы, представленной в пределах данной территории в году, показатели которого принимаются за единицу; n – число отраслей экономики и направлений деятельности непроеизводственной сферы, представленный в пределах данной территории; N – число отраслей экономики и направлений деятельности непроеизводственной сферы, учитываемых для всех исследуемых территорий.

6. Кольцевые структуры высших пространственных уровней представляют собой цельные образования, но при этом они состоят из кольцевых структур более низких уровней.

В кольцевой структуре глобального уровня функции центральной активной зоны выполняют страны севера Северного полушария (к северу от Север-

ного тропика), пассивной зоны – страны между Северным и Южным тропиком, и краевой активной зоны – страны, расположенные к югу от Южного тропика, на юге Южного полушария.

В ближайшем будущем развитие глобальной кольцевой структуры будет происходить, во-первых, за счёт нарастания мощности связей в пределах центральной активной зоны, что должно благоприятно сказаться на развитии нашей страны, и во-вторых, вследствие продолжения процесса формирования радиальных активных зон. Одна такая зона формируется в Америке, протягиваясь вдоль побережья Атлантического океана от США до Аргентины. Вторая радиальная активная зона глобального уровня складывается в Восточной и Юго-Восточной Азии, соединяя между собой Японию и Австралию. Азиатская зона начала формироваться позднее, чем Американский, отличается более высоким уровнем фрагментации, но и более высокой динамикой развития. Её «магистральное» направление можно проследить следующим образом: Япония – Южная Корея – побережье Китая и Тайвань – полуостров Малакка – Индонезия. Медленнее всего идёт формирование Африканской радиальной активной зоны, которая должна была бы проходить вдоль побережья Африки, связывая Европу и Южную Африку.

Примерами кольцевых структур континентального уровня являются три структуры Европы: Пиренейская (Испания и Португалия), Западно-Европейская (страны Западной Европы) и Восточно-Европейская (Европейская Россия и западные республики бывшего СССР). Пиренейская структура – самая маленькая среди них по территории. Функции центральной активной зоны выполняет Мадрид, краевые активные зоны вытянуты вдоль морских и океанских побережий как Испании, так и Португалии. Активные зоны разделены разными по мощности пассивными зонами.

Западно-Европейская кольцевая структура более сложна, чем Пиренейская, как в пространственном, так и во временном отношении. Развитие её начинается в XII – XIII вв., когда в Северной Италии сформировалась система торговых городов, от которых расходились торговые пути на северо-запад и на северо-восток Западной Европы. Сложились контуры краевой активной зоны, части которой взаимодействовали между собой. Но формирование центральной активной зоны стало возможным лишь после возникновения в «срединной» части Западной Европы Германской империи 1870 – 1918 гг., где функции центральной активной зоны начинает выполнять Берлин. В начале XX в. краевая активная зона начиналась от устья Рейна, далее продолжалась вверх по Рейну до устья Майна, и с Майна переходила в пределы Австро-Венгрии (Чехии). Из Чехии краевая активная зона поворачивала на север, и вдоль верхнего Одера и Вислы доходил до побережья Балтийского моря.

В конце XIX - начале XX века сформировалось продолжение краевой активной зоны от устья Майна на юг, к верховьям Рейна, и далее вдоль Роны к побережью Средиземного моря. От Нижней Роны краевая активная зона поворачивала на восток, в пределы Италии, в пределы Ломбардской и Паданской низменностей. Таким образом, сформировалось две дуги южного сегмента краевой активной зоны, огибавшие Альпы, северная – вдоль Майна, и южная –

вдоль По. Кольцевая структура Германской империи с самого её возникновения имела трансграничный характер, что позволяло Германии вовлекать в хозяйственный оборот ресурсы сопредельных с ней государств.

После I мировой войны замедляется развитие восточного сегмента краевой активной зоны, в пределах которого взаимодействовали Западно- и Восточно-Европейская кольцевые структуры. Но в то же время резко усиливается взаимодействие в пределах западного сегмента, причём если до первой мировой войны Германия использовала ресурсы сопредельных государств, то в 20-е гг. эти государства начинают использовать ресурсы Германии. Вследствие существенной переориентации экономических связей, а также наращивания их мощности западный сегмент краевой активной зоны Германии окончательно приобретает черты трансграничной структуры, послужившей территориальной основой послевоенной европейской экономической интеграции. Формальное создание западноевропейских интеграционных организаций после войны было лишь подтверждением уже реально существовавших экономических связей.

Однако по окончании II мировой войны Западная и Восточная части Европы продолжали развиваться практически изолированно друг от друга. Но тем быстрее развиваются западный и южный сегменты краевой активной зоны Западно-Европейской структуры. Основа западного сегмента – Рейн становится «осью» европейской интеграции. Бавария и Баден-Вюртемберг, входящие в состав «северной дуги» южного сегмента, становятся самыми динамично развивающимися землями Западной Германии. Чрезвычайно быстро развивается и «южная дуга», проходящая к югу от Альп через Северную Италию. Северная дуга вдоль Дуная, а южная дуга – через Словению выходят в пределы Нижней Австрии, где и соединяются.

Можно предположить, что краевая активная зона Западно-Европейской кольцевой структуры продолжится в пределы стран бывшего «советского блока», т.е. произойдёт восстановление восточного сегмента кольцевой структуры Второго Рейха (Германской империи 1870 – 1918 гг.). От Вены она продолжится в пределы Венгрии, Восточной Чехии и Западной Словакии, и далее через Польшу к побережью Балтийского моря. Центральной активной зоной Западно-Европейской кольцевой структуры будет Берлин, который уже сейчас восстанавливает своё былое значение.

7. Кольцевые структуры в пределах территории России формировались и развивались с самого возникновения нашего государства и до 20-х гг. XX в. преимущественно под воздействием процессов самоорганизации.

Во второй половине первого тысячелетия нашей эры сложилось два меридиональных пути, проходивших по рекам Восточно-Европейской равнины – Балтийско-Каспийский и Балтийско-Черноморский. В IX – X вв. эти два пути соединяются широтным путём, проходившим по рекам Десна и Ока. Таким образом, в центральной части Восточно-Европейской равнины формируется кольцевая структура, после чего в соответствии с логикой её развития начинается процесс формирования центральной активной зоны на территориях, разделявших краевые активные зоны. Этот процесс заключался в создании множества новых городов на «большом водоразделе» бассейнов Оки, Волги и Балтий-

ского моря (XII в.). Каждый из этих городов мог стать «центральной активной зоной» будущей России, но в силу ряда случайностей в начале XIV в. устанавливается преобладание Москвы.

В XVII в. статус Москвы как центральной активной зоны был твердо закреплён. Основу восточного сегмента краевой активной зоны в XVII в. являлась Волга до впадения в неё Оки. Примерно по линии Вологда - Псков располагался северный сегмент краевой активной зоны, представлявший собой наиболее развитую и освоенную часть территории государства. На протяжении нескольких столетий в пределах этой территории располагались крупные торговые города - Великий Новгород, Псков, позднее Вологда. Западный сегмент был вытянут вдоль западной границы Московского государства XVII в. К середине XVII в. южный сегмент краевой активной зоны Европейской России смещается от на юг от Оки к «засечным чертам».

Начало XVIII в. ознаменовано смещением краевых активных зон в Европейской России к побережью Балтийского моря, связанным с победой в Северной войне 1700 - 1721 гг. Но одновременно с продвижением к морю внешней границы краевой активной зоны смещается и её внутренняя граница, что вводит входившие в его состав территории (Новгород, Псков) в состояние стагнации.

Урал, на протяжении всего XVII в. выполнявший исключительно функции транзитного региона, формирует собственную кольцевую структуру, которая на протяжении всего XVIII в. непрерывно расширялась. Краевые активные зоны этой структуры продвигались на юг, вдоль Уральского хребта и р. Урал, и на запад, вдоль Камы.

В XIX в. в краевая активная зона кольцевой структуры Европейской России продолжает своё движение. Смещение западного сегмента было связано с включением в состав России Царства Польского. Если в XVIII в. на запад, в пределы Прибалтики, сместилась северная часть западного сегмента, то в с присоединением Царства Польского в движение пришла его центральная часть. Южный сегмент Европейской России сместился в Причерноморье и Приазовье.

Но возможности смещения восточного сегмента были практически исчерпаны. Организующей осью этого сегмента была Волга, вследствие чего водоразделы были естественными границами сегмента. С этой точки зрения легко объяснимо и формирование Иваново-Вознесенского промышленного района, расположенного к северо-востоку от Москвы, между Москвой и Ярославлем, и представлявшего собой радиальную активную зону. Северный сегмент краевой активной зоны кольцевой структуры Европейской России в XIX в. по сути формировался заново. К началу XX в. очертания кольцевых структур России стабилизируются (рис. 1.)

рис. 1. Кольцевые структуры Российской Империи в начале XX в.

Кольцевые структуры:

I – Восточно-Европейская, II – Кавказская, III – Беломорская, IV – Уральская, V – Западно-Сибирская, VI – Восточно-Сибирская, VII – Дальневосточная.

Наиболее значимой была кольцевая структура Европейской России, где функции центральной активной зоны выполняла Москва. Западный сегмент её краевой активной зоны включает в свой состав приграничные территории России, Германии и Австро-Венгрии. Исходя из закономерностей развития кольцевых структур, по достижении предела территориального расширения начинается устранение фрагментации краевой активной зоны. Именно этот процесс и начался в Западном сегменте, как на севере (вдоль побережья Балтийского моря, русско-германской и русско-австрийской границы), так и на юге (вдоль границы России с Австро-Венгрией, от Одессы к Львову). Развитие южного сегмента краевой активной зоны было шло ещё быстрее, чем западного. Значение Юга в жизни страны всё более усиливается. Восточный сегмент развивался медленнее, чем западный и южный, но тем не менее его развитие продолжалось.

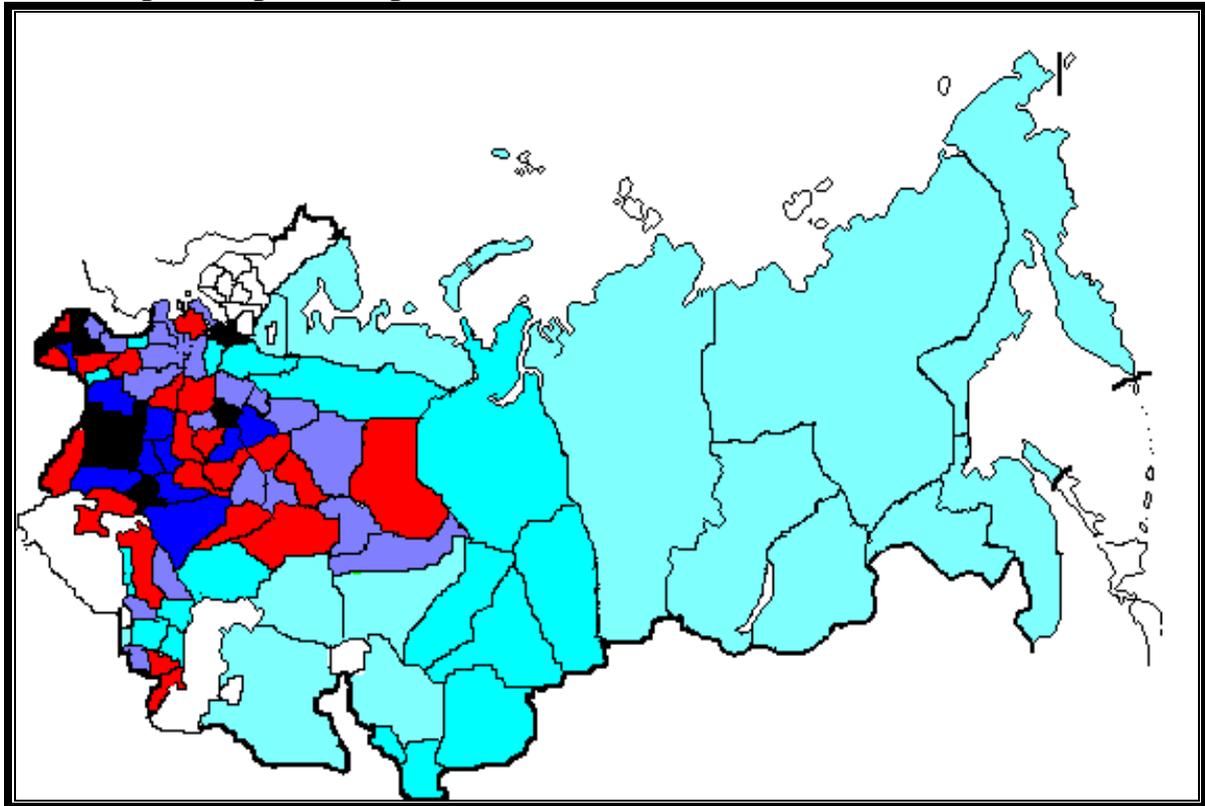
К концу прошлого века относится и начало устранения фрагментации краевой активной зоны Уральской кольцевой структур, особенно чётко проявившееся на юге региона. На востоке Уральская кольцевая структура частично перекрывалась с Западно-Сибирской кольцевой структурой, где началось формирование центральной активной зоны – Омска.

На восточных окраинах России чрезвычайно быстро развивалась новая, Дальневосточная кольцевая структура, включавшая в свой состав не только юг

русского Дальнего Востока, но и Северо-Восточный Китай (Маньчжурию). Функции центральной активной зоны выполнял Харбин, а краевая активная зона проходила через территорию как России, так и Китая

Первые годы XX века - время, когда Российская Империя достигла апогея своего могущества, но это и последние годы её существования (рис. 2).

рис. 2. Коэффициент взаимодействия губерний и областей Российской Империи перед I мировой войной

Значения коэффициента взаимодействия (КВ)

	выше 1000		от 10 до 99
	от 500 до 999		менее 10
	от 250 до 499		нет сведений
	от 100 до 249		

Функции центральной активной зоны в кольцевой структуре Европейской России выполняла Москва. Коэффициент взаимодействия Московской губернии (данные по Москве включены в её состав) в начале XX в. составлял 2166, а перед I мировой войной 4606, увеличившись за 9 лет в 2,1 раза. Так же чётко, как центральная зона, выделяется краевая активная зона Европейской России. Коэффициент взаимодействия Петербургской губернии в 1904 году составлял 1126, а в 1913 году 1866. Однако западный сегмент краевой активной зоны характеризовался достаточно высоким уровнем фрагментации. Так, Петербургскую губернию от Лифляндской (коэффициент взаимодействия в 1904 году 329, в 1913 году 465), отделяла Эстляндская губерния с коэффициентом взаимодей-

ствия 81 в 1904 году и 157 в 1913 году; от высоко развитых губерний Царства Польского Лифляндию отделяли губернии, примерно равные по уровню развития Эстляндской губернии. Западный сегмент протягивался вдоль берега Балтийского моря до Восточной Пруссии, также входившей в его состав. В Восточной Пруссии и Царстве Польском перекрывались краевые активные зоны кольцевых структур Европейской России и Германии. От Восточной Пруссии Западный сегмент продолжался к югу, и организующей осью его становилась Висла. Петроковская губерния (Лодзинский промышленный район) отличалась наиболее высокими показателями коэффициента взаимодействия из всех губерний и областей Российской Империи - в начале XX в. 3898 и перед началом I мировой войны 7057. Варшавская губерния уступала по этому показателю Петроковской (1526 и 2011 соответственно). Далее краевая активная зона вдоль Вислы уходила в пределы Австро-Венгрии, к Кракову, через Галицию и Подолию вновь переходя в пределы России.

Так, коэффициент взаимодействия причерноморской Херсонской губернии в начале столетия составлял 696, а перед I мировой войной 1209. Коэффициент взаимодействия Таврической губернии, расположенной к востоку от Херсонской, составлял перед началом I мировой войны 299, но в соседней Екатеринославской губернии в начале XX века составлял 1404, а в перед I мировой войной 3758, увеличившись за это время в 2,7 раза. Тенденция к формированию радиальной активной зоны проявилась в нарастании коэффициента взаимодействия Киевской и Харьковской губерний соответственно (в Киевской губернии в начале XX в. 810, перед началом I мировой войны 1267; Харьковской губернии 460 и 619 соответственно).

К востоку от Екатеринославской губернии краевая активная зона продолжалась в пределы Области Войска Донского, коэффициент взаимодействия которой в начале XX в. составлял 227, а перед I мировой войной 591. С территории Области Войска Донского краевая активная зона переходила в Саратовскую губернию и далее продолжалась на север вдоль Волги. Коэффициент взаимодействия Саратовской губернии составлял 388 в начале XX в. и 468 перед I мировой войной. Коэффициент взаимодействия Симбирской губернии перед I мировой войной составлял 236, Казанской губернии 481, Нижегородской губернии 321, Костромской губернии 243, Ярославской губернии 184.

Уральские губернии, разграничивавшие Европейскую Россию и Сибирь, развивались достаточно быстро. Так, коэффициент взаимодействия Пермской губернии в начале XX в. составлял 253, а в перед началом I мировой войны 403. Оренбургская губерния имела в начале века имела уровень развития более низкий, чем Пермская, но развивалась более быстрыми темпами. Коэффициент взаимодействия Оренбургской губернии составлял 71 и 150 соответственно.

Из западносибирских губерний, Тобольской и Томской, более высокими значениями коэффициента взаимодействия характеризовалась Томская губерния (восточная часть Западной Сибири): в начале XX в. - 45, и в перед началом I мировой войны - 98. Показатели Тобольской губернии были значительно ниже: 10 и 20. В восточносибирских губерниях, Енисейской и Иркутской, а также Забайкальской области, значения коэффициента взаимодействия были заметно

ниже, чем в западно-сибирских, но развитие Восточной Сибири шло быстрее, чем Западной. Коэффициент взаимодействия Енисейской губернии в начале XX в. составлял 0,5, перед началом I мировой войны 2,3; Иркутской губернии 0,8 и 4,5; в Забайкальской области этот коэффициент был самым высоким в Восточной Сибири: в 1904 г. 7, в 1913 г. 28. В Забайкальской области перекрывались две кольцевые структуры, Восточно-Сибирская и Дальневосточная, при этом большее значение имела вторая.

Дальневосточная кольцевая структура формировалась на территории двух государств - России и Китая. В российской её части коэффициенты взаимодействия менялись следующим образом: Приморская область в начале столетия 0,2, перед I мировой войной - 1,1; Амурская область - 0,7 в начале XX в. и 2,5 к началу I мировой войны.

В пределах Российской Империи существовали и другие кольцевые структуры: Беломорская, центральной активной зоной которой был Архангельск, а краевые активные зоны протягивались вдоль побережья Белого моря, Кавказская, Среднеазиатская.

8. В 30-х гг. пространственная структура общества в нашей стране начинает коренным образом меняться. Если в пространственном развитии дореволюционной России преобладающее значение имели процессы самоорганизации, то для СССР 30-х – 60-х гг. – организации.

После революции перед руководством Советской России встала дилемма: восстанавливать систему межрегионального взаимодействия, существовавшую в Российской Империи или создавать новую. Безусловно, в те годы эта проблема таким образом не формулировалась, но реально она существовала, причём подтверждение этому можно найти как во внешней, так и во внутренней политике того времени.

Проявлением во внешней политике можно считать дискуссию о мировой революции, характерную для 20-х гг., а во внутренней – концепцию районирования страны на основе специализации хозяйства, которая реализовывалась в это же время. «Территориально» идея мировой революции в сущности сводилась к тому, чтобы силой восстановить границы бывшей Империи, и если представится возможность – захватить ещё несколько стран, восстановив тем самым пространственную структуру общества дореволюционной России. Ту же цель, но во «внутреннем» масштабе, преследовало районирование, в ходе которого предполагалось создание новой системы административно-территориального деления страны на основе уже существовавшей специализации хозяйства, т.е. возрождению системы взаимодействия, свойственной дореволюционной России.

Таким образом, в 20-е гг. в развитии страны преобладали «восстановительные» процессы, которые в силу ряда причин заканчиваются крахом. Если после гражданской войны был утерян западный сегмент краевой активной зоны кольцевой структуры Европейской России, то в конце 20-х гг. были полностью разрушены две кольцевых структуры – Дальневосточная (в силу внешних причин) и Западно-Сибирская (её распад обуславливался внутренними факторами).

Рухнула вся существовавшая до этого система межрегионального взаимодействия.

Тип взаимодействий, характерный для 30-х гг., может быть назван нуклеарным. Развитие отдельных, наиболее «удачливых» регионов (Москва, Юго-Восточная Украина, Урал, Кузбасс) подгонялось за счёт перекачки ресурсов с других территорий страны, причём эта перекачка имела зачастую внеэкономический характер («метод приоритетов»).

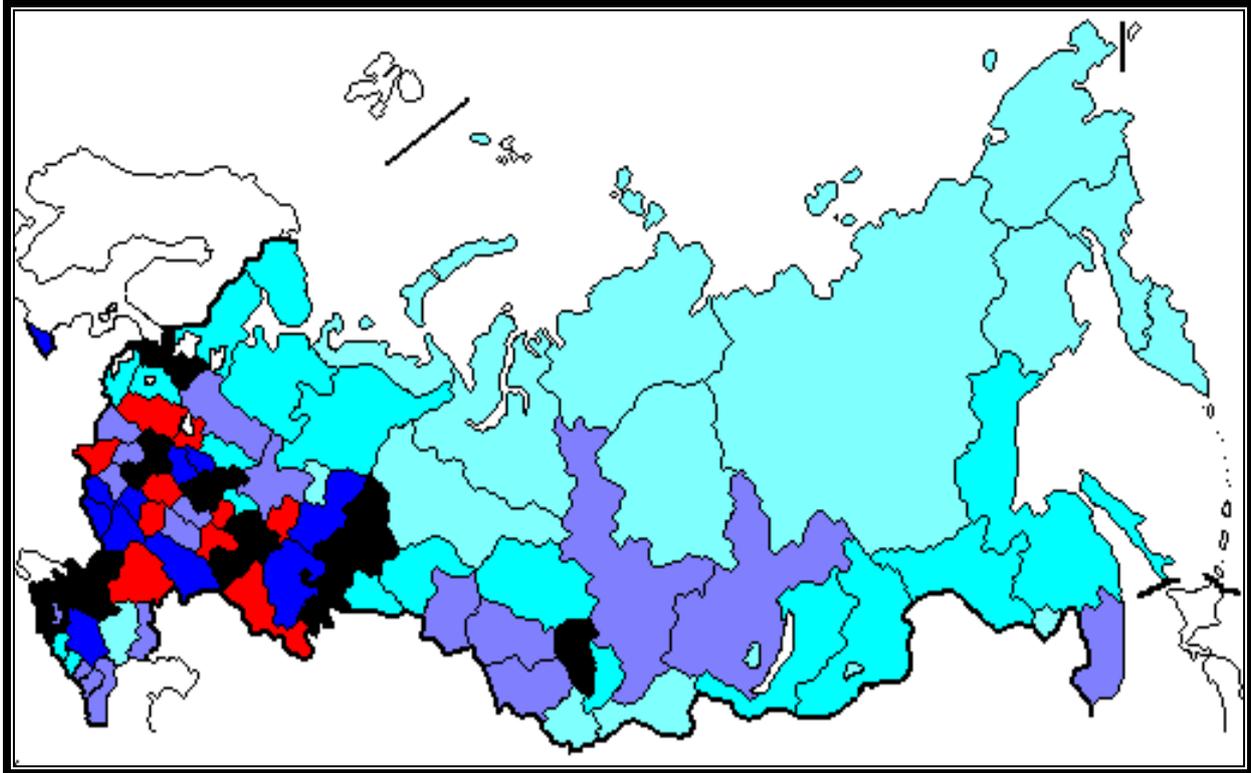
Значительные перемены происходят во время Великой Отечественной войны. Эвакуация населения и промышленных предприятий в восточные районы страны (эвакуационная волна индустриализации) приводит к тому, что пространственное взаимодействие приобретает линейный характер, и самая мощная линия взаимодействия формируется по направлению Москва – Кузбасс. Линейная система взаимодействия, хотя бы и сложившаяся под воздействием чрезвычайных обстоятельства, была шагом вперёд по сравнению с нуклеарной, свойственной 30-м гг.

50-е – 60-е гг. в развитии страны были противоречивым временем. С одной стороны, не только продолжается, но и усиливается освоение восточных районов. С другой, отмечаются попытки вовлечения в хозяйственный оборот тех территорий Европейской России, которые за время доминирования «метода приоритетов» пришли в запустение.

9. В 70-е – 80-е годы значение самоорганизации в трансформации пространственной структуры общества усиливается, а организации – снижается, однако этот процесс не имел непрерывного и устойчивого характера.

Действие процессов самоорганизации заключалось в усилении значения и ускорении темпов развития центра Европейской части СССР, её окраинных территорий и регионов, соединяющих центр с окраинами (активных зон). Действие процессов организации проявлялось во внутренних районах Европейской России («освоение Нечерноземья»), а также отдалённых и малоосвоенных территорий Азиатской части страны. Таким образом, действие процессов самоорганизации и организации имело разнонаправленный и в значительной мере противодействующий характер. К 1970 г. в пространственной структуре общества России (РСФСР) причудливым образом сочетались следы главных эпох её формирования – дореволюционной, межвоенной, «военной» и послевоенной (рис. 3).

рис. 3. Коэффициент взаимодействия автономных республик, краёв, областей, автономных областей и национальных округов РСФСР в 1970 г.

Значения коэффициента взаимодействия (KB)

	выше 1000		от 10 до 99
	от 500 до 999		менее 10
	от 250 до 499		нет сведений
	от 100 до 249		

В 1970 г. коэффициент взаимодействия Москвы составлял 458400, Ленинграда 93167, Московской области - 4917. Чётко выделяется радиальная активная зона – полоса областей и республик, соединяющих Урал с Центром и имеющих чрезвычайно высокий уровень развития. Коэффициент взаимодействия Татарстана в 1970 г. – 1423, Куйбышевской области – 1540. В Европейской России выделяются обширные территориальные массивы, имеющие крайне низкие значения коэффициентом взаимодействия и представляющие собой внутренние пассивные зоны. Наиболее мощный из таких массивов располагается к западу, юго-западу и юго-востоку от Москвы (Орловская, Калужская, Смоленская, Брянская, Рязанская, Тамбовская, Пензенская области). Но в то же время отчётливо прослеживаются тенденции к формирования радиальной активной зоны, соединяющей Москву с южным сегментом краевой активной зоны, чему способствовало начало промышленного освоения железорудных месторождений Курской магнитной аномалии. Но этот фактор не был определяющим. Так, наиболее высоким значение коэффициента взаимодействия в Центральном Черноземье в 1970 г. было в Воронежской области – 888.

Явственно выделяется часть Южного сегмента краевой активной зоны, расположенная в пределах нынешней России. Но места регионов изменяются в сравнении с дореволюционным временем. Если в начала столетия первое место по этому показателю занимала Область Войска Донского, а второе место - Кубанская область, то к 1970 г. на ведущие позиции вышел Краснодарский край, а Ростовская область оказалась на втором месте (при том, что дореволюционные и нынешние границы соответствующих административных единиц во многом совпадают). Объяснение этому заключается в смещении части краевой активной зоны Европейской России на юг

В Западной Сибири, невзирая на все перемены советского времени, к 1970 г. не только сохранялось, но и ещё более возросло решающее преобладание восточной части Западной Сибири над её западной частью. На востоке Западной Сибири находится Кемеровской область, которая в 1970 г. имела коэффициент взаимодействия, равный 1275 и занимала по этому показателю 9-е место в России. В Восточной Сибири ведущие позиции занял Красноярский край, на втором месте была Иркутская область, и на третьем - Читинская. На Дальнем Востоке наиболее высокими значениями коэффициента взаимодействия характеризовались два субъекта Федерации: Приморский край - 166, и Сахалинская область - 51.

К 1980 году наиболее высокими значениями коэффициента взаимодействия по прежнему отличались Москва и Ленинград, на третьем месте была Московская область. Однако если коэффициент взаимодействия Москвы за 1970 - 1980 гг. вырос в 1,1 раза, а Московской области в 1,4 раза, то Ленинграда - несколько сократился (в 1970 г. - 93 167, в 1980 г. - 92 370). Замедляется развитие Урала, причём существенным образом меняются пространственные акценты этого развития. Коэффициент взаимодействия Пермской области в 1970 - 1980 гг. сократился с 810 до 801, Челябинской и Свердловской областей увеличился крайне незначительно (в 1,1 раза), но в Оренбургской области вырос примерно в 2 раза, а Курганской области в 1,4 раза.

Продолжилось развитие радиальной активной зоны, соединяющей Урал с Центром, но существенным образом меняется пространственные аспекты этого развития. Вслед за расширением восточного сегмента краевой активной зоны на юг в том же направлении смещается восточная радиальная активная зона. В её состав включаются новые территории, а значение старых растёт медленно. КВ Куйбышевской области вырос в 70-е гг. с 1540 до 1889; в Татарстане коэффициент взаимодействия в 1970 году был равен 1423, а в 1980 г. 1346. Но крайне слабо вырос КВ Горьковской области, с 1251 в 1970 г. до 1265 в 1980 г.

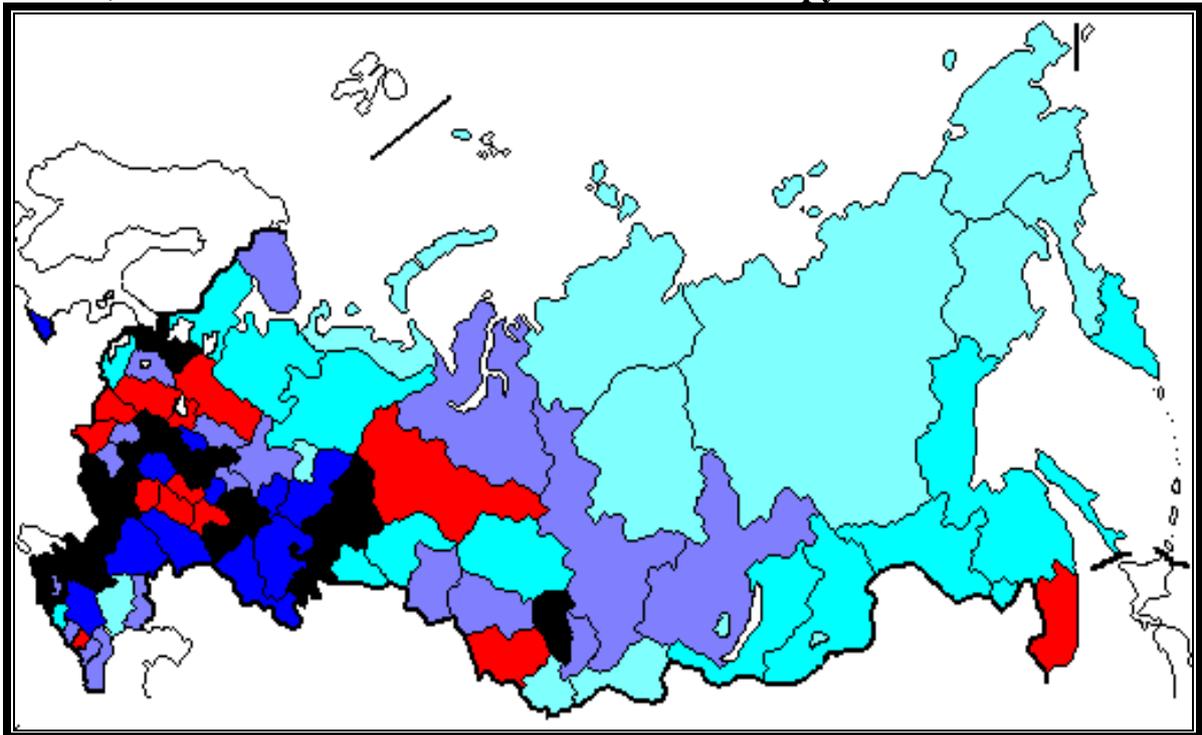
Крайне медленно, как это и можно было ожидать, шло развитие внутренней пассивной зоны Европейской России. Так, КВ Пензенской области, в 1970 г. и 1980 гг. был почти одинаков - 244 и 245 соответственно, Тамбовской области - 346 и 350. Но в то же время динамично развивается запад Центрального Черноземья, через который проходит Южная радиальная активная зона. Так, коэффициент взаимодействия Воронежской области в 1970 году составлял 888, а в 1980 г. 1132, Белгородской области 634 и 1080, Курской области 628 и 935 соответственно.

На севере Европейской России устойчивый характер приобретает тенденция к формированию северного сегмента краевой активной зоны Европейской России, что проявлялось в увеличении коэффициента взаимодействия Ленинградской, Вологодской, Костромской и Кировской областей, а также развитию Северо-Западной радиальной активной зоны между Центром и северным сегментом, что проявилось, в частности, в скачкообразном увеличении коэффициента взаимодействия Новгородской области (1970 г. - 69, 1980 г. - 125).

Резкой была трансформация коэффициента взаимодействия в северных регионах Западной Сибири, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах. Коэффициент взаимодействия Ханты-Мансийского округа с 1970 по 1980 год вырос почти в 50 раз (с 3 до 147), а Ямало-Ненецкого округа более чем в 250 раз (с 0,3 до 78). В Кемеровской области, наиболее мощном в экономическом отношении регионе юга Западной Сибири, развитие продолжалось быстрыми темпами, и значение коэффициента взаимодействия этой области выросло за 70-е гг. почти на четверть, с 1275 до 1691. В Восточной Сибири наиболее быстрыми темпами развивалась Хакасия, где КВ вырос с 1970 по 1980 г. с 19 до 110, или почти в 6 раз.

В 1990 г. коэффициент взаимодействия Москвы составлял 566 965, что в 1,1 раза выше показателя 1980 г. и в 1,2 раза выше показателя 1970 г. Коэффициент взаимодействия Московской области в 1990 г. был выше показателя 1980 г. также в 1,1 раза, а показателя 1970 г. в 1,6 раза. Но коэффициент взаимодействия Ленинграда в 1990 г. составлял 83 266, или в 1,1 раза меньше, чем в 1970 г. Продолжилось снижение значения Урала. За 80-е годы коэффициент взаимодействия снизился у всех трёх областей «старого Урала» – Челябинской, Пермской и Свердловской (рис. 4).

рис. 4. Коэффициент взаимодействия автономных республик, краёв, областей, автономных областей и автономных округов РСФСР в 1990 г.

Значения коэффициента взаимодействия (КВ)

	выше 1000		от 10 до 99
	от 500 до 999		менее 10
	от 250 до 499		нет сведений
	от 100 до 249		

В Европейской России наиболее мощным по уровню и наиболее быстрым по темпам развития становится радиальная активная зона, связывающая Южный сегмент краевой зоны с центральной активной зоной. Так, в 1990 г. коэффициент взаимодействия Белгородской области составлял 1722, коэффициент взаимодействия Липецкой области 1688, а Воронежской области 1440. Области, расположенные к западу и востоку от радиальной активной зоны, оставались частью внутренней пассивной зоны. Коэффициент взаимодействия Тамбовской области составлял в 1990 г. 338, т.е. почти в пять раз меньше, чем соседней Липецкой области, а Пензенской области 279.

Одновременно с этим продолжалось формирование Северного сегмента краевой активной зоны. Коэффициент взаимодействия субъектов Федерации, через которые проходит формирующийся Северный сегмент, росли гораздо быстрее, чем у их более южных соседей. Так, коэффициент взаимодействия Вологодской области увеличился с 1970 по 1990 год в 2,1 раза.

В Поволжье значение коэффициента взаимодействия Куйбышевской области в 1990 г. составляло 2249, увеличившись с 1970 г. почти в 1,5 раза; а коэффициент взаимодействия Нижегородской области сократился в 1,2 раза, что было связано с усиливающимся движением на юг Восточной радиальной активной зоны.

В Азиатской России фантастически быстрыми темпами продолжал расти коэффициент взаимодействия западно-сибирских автономных округов: Ямало-Ненецкого округа к 1990 г. составлял 239, а Ханты-Мансийского округа 290. Таким образом, за два десятилетия значение двух крайне слабо освоенных регионов не только достигло, но и превзошло значение многих староосвоенных территорий страны. Так, коэффициент взаимодействия Псковской области в 1990 г. составлял 79, а Новгородской области 142. В Западной Сибири к 1990 г. начался формирования кольцевой структуры, которая, в отличие от кольцевой структуры начала XX в., разворачивается на север. Подтверждением этому является и то, что массивы «старого» и «нового» освоения Западной Сибири обнаруживают тенденцию к смыканию («экономическое возрождение» Томска и Тобольска в 70-е - 80-е гг.). Коэффициент взаимодействия Омской области в 1990 г. превысил соответствующий показатель Новосибирской области, что может свидетельствовать о возвращении Омска значения центральной активной зоны этой территории, какой он и становился в начале XX века.

В Восточной Сибири наиболее динамично развивавшейся частью оставалась Хакасия, коэффициент взаимодействия которой вырос с 1970 по 1990 г без

мало в 10 раз. Второе место по темпам роста коэффициента взаимодействия в Восточной Сибири занимала Иркутская область, где коэффициент взаимодействия в 1990 г. в 1,4 раза превосходил аналогичный показатель Красноярского края (230 и 166 соответственно). В подобном развитии событий также прослеживается воздействие процессов пространственной самоорганизации: до революции значение Иркутска было гораздо большим, чем Красноярска.

Для подавляющего большинства краёв и областей Дальнего Востока был характерен рост коэффициента взаимодействия: Приморского края в 1,6 раза, Камчатской области в 1,4 раза, Хабаровского края - в 1,3 раза.

10. Кризис 90-х гг. привёл к прекращению деятельности процессов организации в формировании пространственной структуры общества и к усилению процессов самоорганизации.

Это проявилось в сохранении и продолжении развития кольцевых структур, восстановившихся и сформировавшихся в 60-е – 80-е гг. Одной из главных проблем в развитии страны сейчас является выявление естественных тенденций пространственного развития, определяемых процессами самоорганизации, и направление процессов организации не «наперекор», а в соответствии с ними.

Функции центральной активной зоны продолжает выполнять Москва. Но коэффициент взаимодействия её снизился в 1990 - 1994 гг. в 2,2 раза, а с 1994 по 1997 г. ещё в 1,3 раза (198887 в 1997 г.). Коэффициент взаимодействия С.-Петербурга в 1997 г. составил 33066, что в 6 раз меньше соответствующего показателя Москвы. Коэффициент взаимодействия Московской области за 1990 - 94 гг. снизился в 4 раза, а в 1994 - 97 гг. ещё в 1,4 раза (1997 г. – 1450, 1990 г. - 7956).

Ещё более тяжёлыми были последствия кризиса на Урале. Коэффициент взаимодействия Челябинской области в 1997 г. составил всего 417 (1990 г. - 2066), Свердловской области - 270 (1990 г. - 1023), Пермской области - 233 (1990 г. - 735). Существенно сокращаются также значения КВ в Восточной радиальной зоне. КВ Нижегородской области за в 1990 - 1997 г. с 1091 до 357. В Татарстане коэффициент взаимодействия в 1990 г. составлял 1531, а в 1997 г. 586. Коэффициент взаимодействия Самарской области за 1990 - 1997 гг. снизился в 3,7 раза, с 2249 до 613. Если в 1990 г. КВ Самарской области был примерно в 1,5 раза выше коэффициента взаимодействия Татарстана, то в 1997 г. их показатели почти сравнялись. В целом же значение КВ Саратовской области снизилось за 1990 - 1997 гг. в 5,7 раза. Очень быстро сокращалось значение и юго-восточных частей внутренней пассивной зоны. Так, например, в Мордовии - в 9,7 раза (до 28), в Марий Эл - в 6,1 раза (до 36).

Очень ярко кризис проявился в областях Центрального Черноземья, входящих в состав Южной радиальной активной зоны. Так, коэффициент взаимодействия Белгородской области в 1997 г. составлял 590, Липецкой области 537, Курской области 237, в Воронежской области 244. Западная радиальная активная зона, связывающая Москву с западным сегментом краевой активной зоны, в пределах нынешней Российской Федерации представлена единственной областью – Смоленской, где коэффициент взаимодействия снизился в 3,4 раза (с 433 до 126). Значение положения региона в составе кольцевой структуры можно

проиллюстрировать на примере двух соседних областей – Смоленской и Псковской, которая на протяжении всего XX в. представляла собой часть внутренней пассивной зоны. Коэффициент взаимодействия Псковской области в 1997 г. составлял 17, при максимальном значении 1990 г. – 79. Коэффициент взаимодействия Ленинградской и Новгородской областей, через которую проходит формирующаяся северо-западная радиальная активная зона, в 1997 г. составлял 157 и 52 соответственно. Вологодская область, через которую проходит северный сегмент краевой активной зоны кольцевой структуры Европейской России, имела в 1997 г. значение коэффициента взаимодействия – 138, при максимальном значении 1990 г. – 294. В Ивановской области коэффициент взаимодействия в 1990 г. составлял 853, а в 1997 г. – 184. Формирование северного сегмента краевой активной зоны приводит к тому, что Ивановская область всё более и более «втягивается» в состав внутренней пассивной зоны.

В Ростовской области, представляющей собой часть южного сегмента краевой активной зоны кольцевой структуры Европейской России, значения коэффициента взаимодействия снизились в 5,2 раза, а в Краснодарском крае – в 3,5 раза, с 3075 до 873. В северокавказских республиках (Чечня и Ингушетия не рассматривались) сокращения коэффициента взаимодействия было ещё значительнее: в Северной Осетии – в 10,5 раз, с 285 до 28; в Дагестане – в 9,3 раза, с 167 до 18; в Карачаево-Черкесии – в 9,1 раза, с 64 до 7.

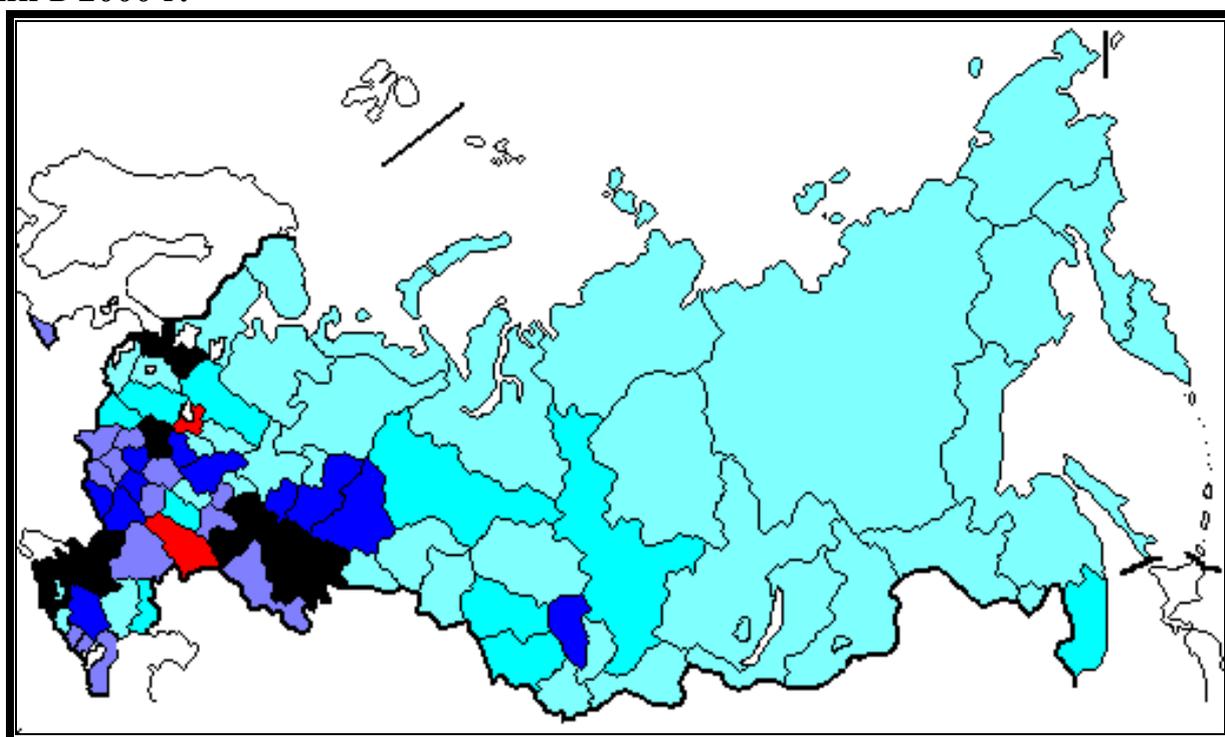
В Азиатской России даже в самых благополучных нефтегазодобывающих регионах значение коэффициента взаимодействия снизилось за 1990 – 1997 гг. в 2,5 – 3 раза. Коэффициент взаимодействия Ханты-Мансийского округа в 1990 г. составлял 289, а в 1997 г. – 94. В Ямало-Ненецком округе коэффициент взаимодействия в 1990 г. составлял 239, а в 1997 г. – 94. В Томской области, вторым по значению нефтедобывающим субъектом Федерации в Западной Сибири значение коэффициента взаимодействия снизилось за 1990 – 1997 гг. примерно в 2,5 раза, с 36 до 14. Но на юге Западной Сибири положение было гораздо более сложным, чем на севере: коэффициент взаимодействия Кемеровской области снизился в 1990 – 1997 гг. в 4,8 раза, с 2614 до 543, коэффициент взаимодействия Алтайского края сократился более чем в 6 раз, с 318 до 51, Новосибирской области – в 4,7 раза, с 219 до 47, Омской области – с 222 до 63, или в 3,5 раза.

В Восточной Сибири Иркутск постепенно возвращает функции «столицы Сибири», центральной активной зоны, какой он являлся на протяжении трёх столетий (XVII – XIX вв.). Это подтверждается данными об изменении коэффициентов взаимодействия Иркутской области и Красноярского края. Этот показатель в Иркутской области в 1997 г. составлял 99, а в 1990 г. – 230, снизившись за годы кризиса в 2,3 раза, а в Красноярском крае в 1990 г. был равен 166, а в 1997 г. – 43, сократившись в 3,9 раза. На Дальнем Востоке коэффициент взаимодействия самого развитого субъекта Федерации, Приморского края, с 1990 по 1997 гг. снизился в 4,6 раза, с 389 до 83, Сахалинской области, второго по уровню развития субъекта – в 5,7 раза, с 57 до 10. В Якутии значение коэффициента взаимодействия снизилось в 1,5 раза (с 3 до 2), и она была самым благополучным субъектом Федерации, входящим в состав Дальневосточного эконо-

мического района. Самым тяжёлым было положение в Камчатской области, коэффициент взаимодействия которой снизился в 56 раз, с 17 до 0,3.

При расчёте коэффициентов взаимодействия 1998 и 2000 г. (рис. 5) использовались показатели валового регионального продукта по субъектам Российской Федерации, пересчитанные в доллары США по паритету покупательной способности на соответствующие годы. Независимо на изменение методики определения этого коэффициента (использование вместо натуральных показателей стоимостных) кольцевые структуры и их зоны выделяются достаточно чётко, особенно - кольцевая структура Европейской России. Следует отметить, что процесс пространственной самоорганизации общества в Азиатской части страны идёт в целом медленнее, чем в Европейской.

рис. 5. Коэффициент взаимодействия субъектов Российской Федерации в 2000 г.

Значения коэффициента взаимодействия (KB)

	более 200		от 1 до 9
	от 100 до 199		менее 1
	от 50 до 99		нет сведений
	от 10 до 49		

В Европейской России наиболее благоприятными представляются перспективы развития активных зон (центральной, краевой и радиальных). Центральной активной зоной кольцевой структуры Европейской России останется Москва. Необходимо не только сохранять, но и расширять «посреднические» функции столицы. Как бы не относился к нынешнему положению Москвы, развитие Европейской России обеспечивается главным образом за её счёт. Если

посреднические функции сместятся туда, где ныне располагаются наиболее экономически благополучные добывающие регионы (в Западную Сибирь), то Европейская Россия, колыбель и историческое ядро нашего государства, войдёт в состояние очень глубокой деградации. Менее очевидно перспективы развития других активных зон.

Из четырёх сегментов краевой активной зоны Европейской части СССР (северного, восточного, южного и западного) в пределах нынешней Российской Федерации полностью остались лишь северный и восточный; осталась также значительная часть южного сегмента и совсем небольшая – западного. Восточный сегмент будет нарастать в двух направлениях, северном и южном. Его развитие в южном направлении уже было отмечено на примере Астраханской области. В северном направлении восточной сегмент будет нарастать в направлении Республики Коми, и тенденции к этому уже прослеживаются. Южный сегмент будет смещаться к югу и юго-востоку, включая в свой состав республики Северного Кавказа. Северный сегмент продолжит своё движение на восток Европейской России, где сомкнётся с восточным сегментом. Когда это смыкание произойдёт, то северный сегмент должен обнаружить тенденцию к движению на север, к побережью морей Северного Ледовитого океана.

рис. 6. Кольцевые структуры СССР к началу 90-х гг.

Кольцевые структуры:

I – Восточно-Европейская, II – Западно-Сибирская, III – Восточно-Сибирская, IV – Дальневосточная, V – Среднеазиатская, VI – Беломорская, VII – Якутская.

Западный сегмент кольцевой структуры, формировавшейся в Европейской части СССР последних десятилетий его существования, сейчас оказался за пределами Российской Федерации. Чрезвычайно важной задачей является сохранение его в составе «экономической России». «Экономическая Россия» гораздо больше политической, поэтому региональная политика в нашей стране должна быть как внутренней, так и внешней. Внутренняя региональная полити-

ка должна быть направлена на преимущественную поддержку регионов, входящих в состав активных зон. Внешняя региональная политика должна быть направлена на то, что территории, входившие в состав активных зон и вышедшие из состава нашего государства, оказались в составе «экономической России», политический суверенитет новых государств при этом вполне может быть сохранён.

Опыт межвоенного времени, когда СССР фактически прекратил экономическое взаимодействие с бывшими западными окраинами Российской Империи (Польшей, Прибалтикой), показывает, что последствия такого решения одинаково тяжелы для обеих сторон. В этом случае нашей стране придётся разрушать сложившиеся естественные системы взаимодействия, и формировать искусственные, расходуя ресурсы на компенсацию утраченного. Но если в межвоенное время этих ресурсов (особенно ресурсов рабочей силы) было вполне достаточно, то сейчас их попросту нет. Но если их даже найти, то потрачены эти ресурсы будут впустую. К сожалению, в 90-е гг. значительно снизились возможности России влиять на процессы, происходящие во всех частях западного сегмента. Со всей очевидностью это проявляется в Прибалтике, меньше – на Украине, наиболее полно удалось сохранить влияние России в Белоруссии.

Южная радиальная активная зона (Москва – Донбасс) должна восстановиться в своих прежних границах (западная часть Центрально-Чернозёмного района). Южный сегмент краевой активной зоны Европейской России продолжается в пределах нынешней Украины от Донбасса до Одессы, и вся эта территория представляет собой часть «экономической России». В случае выхода из кризиса можно прогнозировать резкое усиления взаимодействия России и Украины, что самым благоприятным образом скажется на развитии данной радиальной активной зоны.

Западная радиальная активная зона, от которой на территории России остался лишь один участок – Смоленская область, восстановит и даже превзойдёт свое было значение лишь в том случае, если западный сегмент краевой активной зоны будет включён в состав «экономической России». Северо-западная радиальная активная зона (Москва – С.-Петербург), проходящая через территории Тверской, Новгородской и Ленинградской областей, будет развиваться хотя бы в силу своего «межстоличного» экономико-географического положения. Это положение, на протяжении XVIII – XX вв. препятствовавшее развитию данной территории, в послевоенные десятилетия стало фактором, способствующим ему.

Тенденции развития Северной радиальной зоны будут противоречивыми. С одной стороны, краевая активная зона с этих территорий «уходит» к северу, что должно привести к снижению уровня взаимодействия. С другой стороны, на части этих территорий (Ярославская область) складывается собственно радиальная зона. Восточная радиальная зона (Москва – Урал) будет испытывать тенденцию к смещению на юг, что определяется ростом значения Южного Урала (Челябинская, Оренбургская области) и снижением – Среднего и Северного (Свердловская, Пермская области). Смещение восточной радиальной зоны приведёт к ускорению развития некоторых субъектов Федерации, ныне входя-

ших в состав внутренней пассивной зоны (например, Пензенской области). Что же касается большей части субъектов Федерации, представляющих собой часть внутренней пассивной зоны, то ожидать каких-то существенных изменений их положения в ближайшем будущем, очевидно, не стоит.

В Азиатской России тенденции к формированию кольцевых структур прослеживаются сейчас как в Западной, так и в Восточной Сибири. Функции центральной активной зоны в Западной Сибири, вероятнее всего, будет выполнять Омск, а краевая активная зона этой структура должна включать включает в свой состав территории как России, так и Казахстана. Исходя из этого, региональная политика России в Западной Сибири, так же, как и в Европейской России, должна быть как внутренней, так и внешней. Внешняя региональная политика в данном случае должна быть направлена на социально-экономическое закрепление Северного Казахстана за Россией, в политическом же отношении эта территория может оставаться частью Казахстана. Но здесь следует поспешить, поскольку перенос столицы Казахстана в Астану может привести к тому, что Северный Казахстан, традиционно ориентированный на Россию, может «развернуться» в сторону новой столицы Казахстана.

Центральной активной зоной Восточно-Сибирской кольцевой структуры формируется в районе Иркутск, а краевая активная зона будет включать в свой состав территории России и Монголии. Но в Монголии сталкиваются интересы России и Китая, и, к сожалению, наша страна в значительной мере утратила своё влияние в этой стране. Однако существуют вполне реальные предпосылки к его восстановлению. Наиболее сложным положение представляется на Дальнем Востоке. Восстановление кольцевой структуры на «дореволюционной» основе здесь вряд ли возможно, поскольку в нынешних условиях это будет означать включение юга российского Дальнего Востока в состав «экономического Китая». Но в то же время на Дальнем Востоке, как ни в какой другой части страны, проявился распад линейной советской линейной структуры взаимодействия. Она, конечно же, имела искусственный характер, но при этом обеспечивала решение своей главной задачи – взаимодействия Дальнего Востока и остальной страны. Однако есть вероятность, что строительство БАМа и «закольцовывание» тем самым системы путей сообщения юга Дальнего Востока будет способствовать здесь формированию принципиально новой структуры, но какой характер она будет иметь, сейчас определённо сказать невозможно.

11. Для России в целом оптимальным вариантом дальнейшего пространственного развития является восстановление кольцевых структур, подобных тем, которые существовали до революции.

К распаду России как государства формирование кольцевых структур, развивающихся автономно, но во взаимодействии, не приведёт. Примат экономики над политикой, провозглашаемый марксистской теорией развития общества, приводит к тому, что значение экономических связей для сохранения государственного единства сильно преувеличивается. Вне всякого сомнения, экономические связи могут воздействовать на политические, но это воздействие не прямое и не определяющее. Экономические и политические связи имеют принципиально разную природу. Экономические связи определяются перемещением

вещества и энергии, осуществляемом главным образом в пространстве, политические – перемещением информации во времени, имеющим чрезвычайно сложный характер («память поколений»). Примеров того, что экономика отнюдь не всегда воздействует на политику, множество. В нашей стране самый простой пример – Грозный. Уровень промышленного развития Грозного уступал в Южной России только Ростову-на-Дону. Грозный большую часть сырья получал из других регионов России, и за пределы своей республики отправлял практически всю готовую продукцию. Современные события в Чечне общеизвестны. Можно привести и примеры иного рода. Экономические связи между Канадой и США или Нидерландами и Германией тесны настолько, что соседние территории этих стран зачастую имеют даже общие системы жизнеобеспечения. Но канадцы отнюдь не стремятся украсить флаг США новой звездой (или звездами), а голландцы – превращать своё королевство в одну из земель Федеративной Республики. «Единая Европа» едина экономически, но не политически. Европейские государства – в целом небольшие, им было бы трудно в одиночку существовать в современном мире. Понимание этого пришло к европейцам после двух мировых войн и «холодной войны». Россия пережила те же войны, несколько десятков лет практически в одиночку противостояла всему остальному развитому миру, и сейчас перед ней – проблема выбора, уже решённая Европой. Но если Европа идёт по пути экономической унификации при сохранении политического разнообразия, то нашей стране надо выбрать иной путь – экономической дивергенции при сохранении политического единства.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ВЫВОДЫ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ*:

- 1) Коммуникационная среда и региональное развитие России. - Спб.: Гидрометеоиздат, 2000, 160 с. (7,5 п.л.).
- 2) Регионы России: историческая география хозяйства (учебное пособие по курсу «Экономическая и социальная география России»). - Псков: ПГПИ им. С.М. Кирова, 1998, 267 с. (15,25 п.л.).
- 3) Речной транспорт Сибири в начале столетия // Речной транспорт, 1996 - № 1 - с. 25 – 26 (0,5 п.л.).
- 4) Транспортное освоение рек Сибири // География и природные ресурсы, 1996 - № 4 - с. 78 – 85 (0,5 п.л.).
- 5) Северо-Западный экономический район в промышленном развитии Российской Федерации // Северо-Запад России: проблемы экологии и устойчивого развития, материалы международной научно-практической конференции, ч. 2 – статьи. - Псков: Возрождение, 1997, с. 87 – 96 (0,5 п.л.).
- 6) Определение уровня экономического и социального развития государств мира (материалы для практических занятий) // География в школе, 1997 - № 6 - с. 35 – 40 (0,5 п.л.).
- 7) Пути сообщения Сибири: историческое развитие и современное состояние // География в школе, 1998 - № 1 - с. 20 – 26 (0,5 п.л.).

- 8) Эволюция системы административного деления Северо-Запада Европейской России // Псков (историко-краеведческий журнал), 1998 - № 8 - с. 234 – 240 (0,5 п.л.).
- 9) Каналы Сибири: двести лет изысканий // Гидротехническое строительство, 1998 - № 10 - с. 42– 47 (0,5 п.л.).
- 10) Коммуникационная среда и экосистема историко-географического мезорегиона (на примере Восточного Причудья) // Проблемы и перспективы сбалансированного развития в бассейне Псковско-Чудского озера. Материалы международной общественно-научной конференции, ч. 1 – тезисы и статьи. - Псков: ПГПИ им. С.М. Кирова, 1998, с. 10 – 20 (0,5 п.л.).
- 11) Историческая география хозяйства Северной России // География в школе, 1999 - № 1 - с. 25 – 30 (0,5 п.л.).
- 12) Исследования в области коммуникационной географии: основные этапы // Проблемы и перспективы сбалансированного развития в бассейне Псковско-Чудского озера. Материалы международной общественно-научной конференции, ч. 2 – статьи. - Псков, 1999, с. 28-40 (0,5 п.л.).
- 13) Развитие коммуникационной среды России: тенденции, проблемы, перспективы // Естественно-историческая специфика России и русские геополитические концепции. Материалы Всероссийской конференции. - Спб.: РГО, 1999, с. 172 – 181 (0,5 п.л.).
- 14) Историческая география транспорта Северной России // Липецкий государственный педагогический институт, учёные записки, в. II. - Липецк: ЛГПИ, 1999, с. 153 – 165 (0,5 п.л.).
- 15) Развитие Северо-Запада России в свете концепции коммуникационной среды // Проблемы экологии и региональной политики Северо-Запада России и сопредельных территорий. Материалы международной общественно-научной конференции, ч. 2 - статьи. - Псков, 1999, с. 135 – 151 (1 п.л.).
- 16) Коммуникационная среда: понятие и основные закономерности развития // Известия Русского географического общества, 1999 - т. 131, в. 5 - с. 96 – 103 (0,5 п.л.).
- 17) Коммуникационная среда: понятие и основные закономерности развития (на примере России) // География в школе, 2000 - № 1 - с. 20 – 26, 37 (0,7 п.л.).
- 18) Концепция коммуникационной среды: основные теоретические положения // Наука, школа, вуз. Сборник научных трудов, посвящённый 90-летию А.В. Даринского. - Спб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2000, с. 109 – 116 (0,5 п.л.).
- 19) Развитие Северо-Западного экономического района: тенденции, проблемы перспективы // Наука, школа, вуз. Сборник научных трудов, посвящённый 90-летию А.В. Даринского. - Спб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2000, с. 203 – 213 (в соавт.) (0,5 п.л./0,4 п.л.).
- 20) Трансформация коммуникационной среды как один из факторов общественного развития // Образы геопространства. Сборник научных статей, посвящённых 80-летию Ю.Д. Дмитриевского. - Спб.: СПбГТУ, 2000, с. 185 – 195 (0,5 п.л.).
- 21) Коммуникационная среда как объект географических исследований // География и природные ресурсы, 2000 - № 2 - с. 5 – 11 (0,7 п.л.).

- 22)** Концепция коммуникационной среды и её применение в исследованиях проблем развития приграничных территорий // Приграничные районы, приграничное сотрудничество. (ИМЭПИ РАН. Вестник научной информации. Реформы вчера, сегодня, завтра, 2000 – № 11-12) - М.: Эпикон, 2000, с. 6 – 18 (0,5 п.л.).
- 23)** Коммуникационная среда мира и общественное развитие // Мировая экономика и международные отношения, 2001 - №1 - с. 27 – 34 (0,7 п.л.).
- 24)** Региональное развитие Европейской России: тенденции и перспективы // Территориальная дифференциация и регионализация в современном мире. Сборник научных статей. - Смоленск: Универсум, 2001, с. 191 – 197 (0,5 п.л.).
- 25)** Развитие информационных систем и территориальная организация общества (на примере России) // Известия Русского географического общества, 2001 - т. 133, в. 4 - с. 15 - 22 (0,5 п.л.).
- 26)** Концепция коммуникационной среды и её применение в исследованиях процессов регионального развития // Экономические, социально-политические и экологические аспекты исследования геосистем, в. V Саранск: МГУ им. Н.П. Огарёва, 2001, с. 17 – 23 (0,5 п.л.).
- 27)** Система связи и пространственная организация общества // Экономические, социально-политические и экологические аспекты исследования геосистем, в. V Саранск: МГУ им. Н.П. Огарёва, 2001, с. 24 – 28 (в соавт.) (0,5 п.л./0,2 п.л.).
- 28)** Пространство и время в общественном развитии // География в школе, 2001 - № 7 - с. 42 – 47 (0,5 п.л.).
- 29)** Россия после поражений: 20-е и 90-е годы (опыт сравнительного геополитического анализа) // Вестник географического факультета, в. 1. - Спб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2001, с. 25 – 34 (0,5 п.л.).
- 30)** Пространственная самоорганизация общества как фактор регионального развития (на примере России) // Смыслы географии (экономические, социальные и политические аспекты). – Спб.: НОУ «Амадеус», 2002. – с. 197 – 212 (0,5 п.л.).
- 31)** Коммуникационная среда государства: проблемы формирования и развития // Н.М. Пржевальский и современное страноведение. Материалы международной научно-практической конференции, ч. II - Смоленск: СГУ, 1999. - с. 91 – 94 (0,1 п.л.).
- 32)** Трансформация коммуникационной среды и цивилизационное развитие: взаимосвязь и взаимодействия // География на рубеже веков: проблемы регионального развития. Материалы международной научной конференции. - Курск, 1999. - с. 39 – 43 (0,2 п.л.).
- 33)** Коммуникационная среда России и проблема «больших пространств» // Труды XI съезда Русского географического общества, т. 4: Географическая наука и образование, геополитика и история (Архангельск, 2000). - Спб: РГО, 2000. - с. 121 – 123 (0,1 п.л.).
- 34)** Географические исследования процессов общественного развития // География – школе: сборник научных трудов, посвящённый 70-летию со дня рож-

дения Д.П. Финарова. - СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2000. - с. 84 – 88 (0,2 п.л.).

35) Пространственные закономерности развития общества: методология выявления и методика исследования // Географические идеи и концепции как инструмент познания окружающего мира. Тезисы докладов XIV молодежной Всероссийской научной конференции. - Иркутск: ИГ СО РАН, 2001. - с. 16 – 17 (0,1 п.л.).

36) Lake Peipsi/Pskovsko-Chudskoe: environmental status, economic issues and prospects for sustainable development. - Pskov – Tartu, 1998 (в соавт.) (2 п.л./0,3 п.л.), англ. яз.

37) Inimgeograafiline Peipsimaa // Peipsi. – Tallinn: Keskkonnaministteriumi info-ja tehnoakeskus, 1999, pp. 198 – 224 (1 п.л./0,3 п.л.) (в соавт.), эст. яз.

38) The lake Peipsi case // Baltic basin case study: towards a sustainable Baltic Europe. - Stockholm: Stockholm University, 1999 (2 п.л./0,3 п.л.) (в соавт.), англ. яз.

*публикации объёмом 0,3 п.л. и менее в список включены выборочно

СТРУКТУРА ДИССЕРТАЦИИ

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА 1. ПРОСТРАНСТВЕННАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА: ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

§ 1.1. Взаимодействия и взаимосвязи в общественном развитии

§ 1.2. Кольцевые структуры: развитие, свойства и функции

§ 1.3. Основные теоретико-методологические подходы к исследованиям пространственной самоорганизации общества

Выводы

ГЛАВА 2. МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЙ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ

§ 2.1. Методика исследований

§ 2.2. Кольцевые структуры глобального и континентального уровней

§ 2.3. Кольцевые структуры регионального и локального уровня

Выводы

ГЛАВА 3. КИЕВСКАЯ РУСЬ, МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО, РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ: РАЗВИТИЕ КОЛЬЦЕВЫХ СТРУКТУР

§ 3.1. Формирование контуров (IX - XVIII вв.)

§ 3.2. XIX в.: территориальный рост и качественная трансформация

§ 3.3. Начало XX века: апогей и финал естественного развития

Выводы

ГЛАВА 4. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ: РАЗРУШЕНИЕ И САМОВОССТАНОВЛЕНИЕ КОЛЬЦЕВЫХ СТРУКТУР

§ 4.1. 20-е – 30-е гг.: попытки восстановления и переход к нуклеарным структурам

§ 4.2. 40-е - 60-е гг.: линейные структуры

§ 4.3. 70-е гг.: начало самовосстановления кольцевых структур

Выводы

ГЛАВА 5. СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ САМООРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА

§ 5.1. 80-е: перед кризисом

§ 5.2. 90-е гг.: кризис

§ 5.3. Перспективы трансформации кольцевых структур и региональная политика России

Выводы

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ПРИЛОЖЕНИЯ

